

В.А. Томсинов, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор*

«От нас Русских нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного»:

Заметки

*к 250-летию со дня рождения
Алексея Андреевича Аракчеева*

4 октября исполнилось 250 лет графу Алексею Андреевичу Аракчееву. Его судьба удивительна, а личность необыкновенна. Не в том смысле необыкновенна, что превосходна по своим качествам — светла, чиста, безгрешна, а в самом буквальном — непохожа ни на какую другую. Историки придумали термин «аракчеевщина» для обличения возникающих в обществе в результате насилия со стороны носителей государственной власти бесчеловечных порядков, но с настоящим Аракчеевым это слово никак не согласуется. Его государственная деятельность нетипична для России, а характер личности как государственного деятеля — неповторим.

Князь П.А. Вяземский, кажется, понял необычную натуру графа Аракчеева лучше других его современников (если только другие вообще что-нибудь в ней поняли) — на склоне своих лет Петр Андреевич писал об Алексее Андреевиче: «Он был человек, выходящий из ряда обыкновенных людей. Он пробил себе дорогу сам собою. Но он и не пробивал ее, а просто шел и нечаянно дошел до высоты, на которой мы видели его. Он был бескорыстен, по крайней мере, относительно и сравнительно. Обеспеченный и щедро обеспеченный милостью императора Павла, он мог бы желать разбогатеть еще более. Случаи к тому были ему сподручны. Но он

* В.А. Томсинов является автором следующих книг об Алексее Андреевиче Аракчееве: «Временщик. А.А. Аракчеев» (М.: Теис, 1996. — 272 стр.), «Аракчеев». Серия «Жизнь замечательных людей» (М.: Молодая гвардия, 2003, 2010. — 432 стр.), «Временщик. Исторический портрет А. А. Аракчеева». Серия: «Великие русские люди» (М.: Зерцало-М, 2013. — 476 стр.).

остался при том, что имел... Не чужды были ему гордость и надменность, но и их выказывал он не подобно другим. Пошлого чванства в нем не было. Он не хотел ослеплять город и толпу роскошью и пышностью. Он мог желать сравниться с Потемкиным в объеме власти; но по догадливости своей и благоразумию расчел, что Таврическая постанова и обстановка были уже не в духе времени. Он, в будничной силе своей, не гонялся за праздничными принадлежностями исключительного положения своего. Род жизни его был более домоседный; привычки мало изменялись и сохранили во многом первоначальную простоту темных и трудовых годов его. В блестящих собраниях двора какая-то **суровость военного схимника отличала его от среды других сановников и вельмож**¹ (выделено мною. — В.Т.).

Пожалуй, никогда еще не собиралось в России в одно время, в одном месте, в одном городе столько выдающихся людей, как в начале XIX века в Санкт-Петербурге. И Аракчеев не затерялся среди них, но сумел выделиться, причем такими талантами, которыми люди одаряются чрезвычайно редко, а именно: **способностями к разумной и плодотворной государственной деятельности.**

В конце марта 1834 года Пушкин обедал у Сперанского. Михаил Михайлович был очень любезен с ним и Александр Сергеевич ответил ему своей любезностью. Заговорив о царствовании Александра I, он сказал Сперанскому: **«Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага».** Какой смысл вкладывал в эти слова великий наш поэт? — Об этом можно только гадать. Но если Аракчеев противопоставлялся им Сперанскому как консерватор — реформатору, то фраза Пушкина о «гении Зла и Блага» никакой истины не выражала.

Государственная деятельность Аракчеева была многообразной. Она охватывала собой целый ряд жизненно важных для российского государства сфер. И всегда, и везде — на всех государственных постах — Алексей Андреевич действовал как реформатор, старался не только

¹ *Вяземский П.А.* По поводу записок графа Зенфта // Русский архив. 1876. Кн. 1. Вып. 4. С. 476–477.

навести порядок во вверенной ему части государственного управления, но и обновить ее, улучшить, усовершенствовать.

Так было, когда Аракчеев командовал артиллерией — сначала гатчинской, а затем всей страны, после того как 14 мая 1803 года был назначен «инспектором всей артиллерии и командующим лейб-гвардии артиллерийского батальона». Великие заслуги его в преобразовании русской артиллерии были очевидны всем, кто хотел их видеть. Иван Степанович Жиркевич, служивший с 1805-го до 1809 года офицером в лейб-гвардии артиллерийском батальоне, писал впоследствии в своих мемуарах: «Об усовершенствованиях артиллерийской части я не буду распространяться: каждый в России знает, что она, в настоящем виде, *создана* Аракчеевым, и ежели образовалась до совершенства настоящего, то он же всему положил прочное начало». Таких признаний можно привести множество, в том числе и со стороны тех, кто занимался артиллерией по роду своей службы, как например, генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович. 27 июня 1807 года Аракчеев был произведен в чин генерала от артиллерии. В собственноручном письме графу, написанном на следующий день, император Александр I указал, что произвел генерал-лейтенанта Аракчеева в следующий чин за доведение им «до превосходного состояния артиллерии» и успешное ее действие во время войны 1806–1807 годов с Францией.

Война России со Швецией в 1808–1809 годах и особенно война 1812–1814 годов с наполеоновской Францией показала еще более убедительно превосходство русской артиллерии, преобразованной графом Аракчеевым, над любой иностранной артиллерией. «Эта пушечная война прославила нашу артиллерию, и слава отразилась и на графе Аракчееве... Имя Аракчеева повторялось в армии артиллеристами с похвалами»². Так писал в своих воспоминаниях участник Отечественной войны и заграничного похода русской армии В.И. Штейнгейль.

Аракчеев продолжал заниматься усовершенствованием артиллерии и после того, как 13 января 1808 года был назначен на

² Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Том 2: Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 314–315.

пост министра военных сухопутных сил. На этом поприще он пробыл недолго — до 1 января 1810 года, но сделал столько, сколько ни один предшествовавший ему министр не делал. Он реформировал организацию армии, увеличив ее численность приблизительно на 30 000 человек, создал новую систему снабжения армейских частей оружием, снаряжением и припасами, учредил учебные и запасные войска. Василий Александрович Сухово-Кобылин, начавший в 1803 году службу в чине штабс-капитана полевой артиллерии, вспоминал впоследствии: «Когда я был записан на службу, воровство и безурядица были доведены в нашем войске до невероятных границ: начальники брали деньги с солдат, чтоб распускать их по селам. В запасных магазинах принимались счетом кули с мукой, и оказывалось зачастую, что часть кулей наполнена песком»³. Аракчеев навел в армии необходимый порядок и прекратил губительное для нее воровство.

Несмотря на явные успехи в преобразовании русской армии пост министра военных сухопутных сил Алексей Андреевич покинул в расстроенных чувствах. Об этом свидетельствует запись, начертанная им 1 января 1810 года на прокладном листе принадлежавшей ему книги Святого Евангелия: «В сей день сдал звание военного министра. Советую всем, кто будет иметь сию книгу после меня, помнить, что **честному человеку всегда трудно занимать важные места государства**».

18 января 1810 года Аракчеев был назначен председателем Военного департамента только что созданного Государственного совета. В приказе об этом назначении император Александр I постановил: «В воздание отличного управления генералом от артиллерии графом Аракчеевым Военным министерством по поступлении его в Государственном Совете в Председатели военного Департамента отдавать ему все прежние военные почести». Покину министерский пост, Аракчеев сохранил за собой звания члена Комитета министров и сенатора, в результате чего его воздействие на ход государственных дел в империи только возросло.

³ Граф Аракчеев по рассказам Василия Александровича Сухово-Кобылина // Русский архив. 1906. № 7. С. 436.

Вторжение собранной со всей Европы полумиллионной наполеоновской армии в пределы Российской империи изменило судьбы русских людей самым решительным образом. Граф Аракчеев 17 июня 1812 года был назначен управляющим канцелярией императора и с этого времени практически неотлучно находился при Александре. Через него шли все официальные бумаги к государю и от государя. Курьеры, прибывавшие во дворец, сперва попадали к графу и лишь после доклада ему могли удостоиться чести быть представленными самому императору. В трудные для России и ее государя времена, наступившие после Бородинского сражения и оставления русской армией Москвы, Аракчеев взял на себя значительную часть текущих дел по обеспечению армии. И нередко принимал по ним решения единолично.

Но когда война с Францией была завершена, русские войска вступили в Париж, Алексей Андреевич попросился в отпуск для поправления пошатнувшегося за время войны здоровья, и 20 мая 1814 года получил у Александра I необходимое на это разрешение, несмотря на нежелание императора отпускать его от себя.

В последнее десятилетие правления Александра I главным предметом государственной деятельности Аракчеева стала организация и поддержание военных поселений. Инициатором их создания был император, Аракчеев же к идее поселения войск, предполагавшей совмещение военной службы с земледелием, первоначально относился довольно прохладно, если не отрицательно. Но когда его величество поручил ему заняться этим делом, он взялся за него с присущим ему государственным умом и рвением. Самолично составил десятки нормативных документов, множество разного рода предписаний и инструкций для военных поселений.

Благодаря Аракчееву поселенные войска получили хорошее продовольственное и хозяйственное обеспечение. По его распоряжению на территориях, где располагались военные поселения, была создана широкая сеть запасных магазинов и фельдшерских пунктов, организованы пожарные команды. Были заведены порядки, при которых семьям, попадавшим в состояние нужды вследствие неурожая или стихийных бедствий, немедленно предоставлялся скот

взамен погибшего, оказывалась помощь продуктами и стройматериалами из вспомогательных фондов, специально созданных графом для поддержки бедных.

Все дети военных поселян в обязательном порядке получали прививки против оспы. Было организовано их обучение. С восьмилетнего возраста они должны были посещать школу, в которой обучались грамоте, письму, арифметике и другим предметам, а также разного рода ремеслам. Школьное образование детей военных поселян длилось до достижения учащимися 16–18 лет. Аракчеев всячески поощрял их отличную учебу. Некоторые из успешно учившихся детей посылались по его распоряжению для продолжения учебы в гимназии или даже в Военно-учительский институт, устроенный в Новгородской губернии специально для подготовки учителей школ военных поселений. Но большая часть подростков, успешно окончивших курс обучения в военно-поселенческих школах, направлялась для продолжения учебы в военные учебные заведения.

Для детей, оставшихся без родителей, Алексей Андреевич устроил в военных поселениях военно-сиротские отделения. Желая облегчить им жизнь, Аракчеев пристраивал их в кадетские корпуса. Таких пристроенных им в кадеты детей из бедных семей насчитывалось к 1825 году более трехсот.

В военных поселениях, устроенных Аракчеевым, изначально отсутствовали такие распространенные в России явления, как нищенство, бродяжничество, пьянство. Даже курение считалось недопустимым. Не было и тунеядства, строго пресекался разврат.

Сделавшись главным начальником над военными поселениями, Аракчеев установил здесь более справедливый по сравнению с армейским порядок прохождения службы офицерами. Он ввел гласные аттестации офицеров, служивших в военных поселениях, постарался улучшить их быт, учредил для них библиотеки, «офицерские рестораны» с дешевыми обедами и музыкой, с игрой в шашки и шахматы. При этом, правда, не обошелся без ограничений: запретил офицерам употребление не только водки, но и вин, вплоть до шампанского. Граф добился того, чтобы офицеры военных

поселений получали более высокое по сравнению с армейскими офицерами жалованье.

К числу особых достижений графа Аракчеева следует отнести и принадлежавшее ему имение Грузино, которое благодаря его усилиям приобрело ценность всероссийского культурного памятника. К сожалению, время и война не пощадили его. Этот выдающийся культурный памятник был разрушен в результате боевых действий во время Великой Отечественной войны. Однако сохранившиеся изображения архитектурных сооружений Грузино, картины общего его облика позволяют оценить достоинства этого аракчеевского произведения и признать, что оно было, если не лучшим, то одним из лучших имений Российской империи.

Алексей Андреевич не назначил наследника своему имуществу и после его кончины, случившейся 21 апреля 1834 года, оно перешло государству. О том, что он сделал это не по какой-то оплошности, а совершенно сознательно, показывает надпись, оставленная им на одном из прокладных листов принадлежавшей ему книги Святого Евангелия. Она гласит: **«Аракчеев все свое состояние возвратил туда, откуда получил».**

* * *

Самое ценное, что оставил после себя Алексей Андреевич Аракчеев, — это опыт его государственной деятельности. Она оказалась на удивление плодотворной. Любую сферу государственного управления, которая ему поручалась, он обязательно исправлял и улучшал своими нововведениями.

Действовал он по собственной методике, но она была настолько разумной и эффективной, что можно только удивляться, почему ее не применяли другие управленцы.

Прежде всего Аракчеев старался собрать как можно больше сведений о состоянии вверенной ему в управление сферы государства и создавал специальную систему для того, чтобы постоянно знать обо всем происходящем в ней. Поэтому первоначальные его распоряжения обычно касались структуры канцелярии и делопроизводства. Отличительной чертой Аракчеева как государственного деятеля было стремление упорядочить статус и работу полученного им в управление ведомства нормативными актами — разного рода положе-

ниями или уставами, а службу своих подчиненных урегулировать подробными инструкциями. Государственную службу Аракчеев понимал не только как беспрекословное исполнение подчиненными ему офицерами и чиновниками приказов начальства, но и как процесс постоянного совершенствования необходимых для успешной работы знаний, навыков, умений. Поэтому он неизменно требовал, чтобы подчиненные ему офицеры и чиновники постоянно учились, заводили библиотеки, читали книги и докладывали ему о прочитанном. Настаивая на строгом исполнении своих команд и добиваясь этого наказаниями, угрозами наказаний, наградами и похвалами, Аракчеев при этом старался поощрять у подчиненных ему малейшее проявление с их стороны какой-либо разумной инициативы.

Какую бы часть государственного управления Аракчеев не принимал на себя, он немедленно брался за искоренение в ней самыми жесткими мерами взяточничества, воровства, безалаберности, пьянства и всех других пороков, позоривших чиновников, мешавших им деятельно и честно служить своему Отечеству. При этом все требования, которые предъявлялись графом Аракчеевым своим подчиненным по государственной службе, он относил и к себе. В.А. Сухово-Кобылин вспоминал о нем: «Аракчеев был деятельности неутомимой. Даже во время похода, лишь только армия занимала дневные квартиры, его канцелярию разбирали, и все садились немедленно за дело. От его зоркого глаза не ускользали самые мелочные подробности вверенного ему министерства. На лето он ездил для отдыха в Грузино и вряд ли в продолжение целого дня уделял на отдых более двух-трех часов. Он вставал очень рано и принимался за бумаги. Несколько чиновников, адъютантов и фельдъегерей являлось к нему ежедневно с рапортами из разных мест»⁴.

Государственная деятельность, если выступает она в истинном своем предназначении — как служба Отечеству, всегда слишком сильно задевает частные корыстные интересы. И потому настоящий

⁴ Граф Аракчеев по рассказам Василия Александровича Сухово-Кобылина // Русский архив. 1906. № 7. С. 434.

государственный деятель редко получает от своих современников справедливую оценку. Граф Аракчеев принадлежит к числу самых оболганных государственных деятелей России. Но правды ради надо признать: он сам был одним из творцов мифа о себе как о необразованном, жестоком и зловредном властителе. Он сам старался внушить своим подчиненным мнение о себе как о человеке абсолютно безжалостном, чтобы постоянно вызывать у них страх перед своей персоной. Алексей Андреевич почему-то считал, что обуянные страхом, его подчиненные будут намного добросовестнее выполнять свои служебные обязанности.

Аракчеев сам называл себя «новгородским неученым дворянином». Он родился и вырос в небогатой дворянской семье, проживавшей в русской глубинке — в сельце Гарусово у озера Удомля близ городка Вышний Волочѣк. До 1775 года эта территория относилась к Новгородской губернии и лишь в результате губернской реформы 1775 года была передана учрежденному тогда Тверскому наместничеству (с 1796 г. — губернии). Поэтому Алексей Андреевич до конца своих дней считал себя «новгородским».

В действительности Аракчеев не был неученым, как не мог им быть лучший выпускник Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса — военного учебного заведения, приближавшегося по программе обучения к настоящему университету. Обучаясь в нем в 1783–1787 годах, кадет Алексей Аракчеев изучал арифметику, алгебру и геометрию, химию и физику, немецкий и французский языки, историю и географию, рисование и танцы, статистику, механику и гидравлику, гражданскую архитектуру и фортификацию, фейерверочное искусство фехтование и ружейные приемы и, конечно, в широком объеме специальный предмет — артиллерию.

К этому надо добавить, что Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус обладал самым богатым в России собранием специальных книг, и Аракчеев любил читать, считал чтение полезнейшим занятием для тренировки ума. В 1795 году он начал целенаправленно собирать собственную библиотеку, которая к 1824 году, если судить по изданному тогда каталогу ее, насчитывала более 11 тысяч томов. Некоторое представление об аракчеевской библи-

отеке дают названия предметов, на которые сам хозяин разделил свои книги: 1) духовные; 2) нравственные, о воспитании; 3) законы, положения, указы; 4) естественные науки; 5) хозяйство; 6) художества и архитектура; 7) история, география и путешествия; 8) математика; 9) военное искусство; 10) словесность и 11) периодические издания.

Василий Александрович Сухово-Кобылин почему-то относился к графу Аракчееву с неприязнью. Тем ценнее следующее его признание, сделанное при воспоминании об этом человеке: «Несомненно, что Аракчеева было бы странно назвать человеком добрым; неоспорно и то, что он был неумолим к иным проступкам, как, например, к взяточничеству или нерадению по службе. Тому, кто пробовал его обмануть (а обмануть его было трудно, почти невозможно), он никогда не прощал; мало того: он вечно преследовал виновного, но и оказывал снисхождение к ошибкам, в которых ему признавались откровенно, и был человеком безукоризненно-справедливым: в бесполезной жестокости его никто не в праве упрекнуть. Правда и то, что он оказался беспощадным, когда производил следствие после убиения Настасьи; но мудрено судить человека, когда он находился в ненормальном состоянии. К этой женщине он был сильно привязан, и ее смерть взволновала все страсти его крутой природы»⁵.

Стиль действий графа на административном поприще определялся целым рядом принципов, которые в их совокупности вполне позволительно назвать **аракчеевской философией управления**. Вот некоторые основные постулаты данной философии, выраженные самолично графом Аракчеевым:

- *«Мы все сделаем: от нас Русских нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного».*
- *«Для того, чтобы заставить русского человека сделать что-нибудь порядочное, надо сперва разбить ему рожу».*
- *«Французскими речами не выкуешь дело».*
- *«Без драки и телесного наказания все можно сделать, но надобно только твердость в намерениях и непеременичивость в исполнениях [иметь],*

⁵ Граф Аракчеев по рассказам Василия Александровича Сухово-Кобылина // Русский архив. 1906. № 7. С. 432.

дабы они видели, что командир, единожды определив какое дело, никогда от онаго не отступит».

— «Всякое дело требует не одного марания и составления огромных бумаг, а требует начальнического соображения и наставления своих подчиненных для чего нужно всякое дело обдумать, обнять, рассмотреть и дать полное наставление своему подчиненному».

— «Я педант, я люблю, чтобы дела шли порядочно, скоро, а любовь своих подчиненных полагаю в том, дабы они делали свое дело».

— «У вас еще есть правило и хвастовство, чтобы подчиненные любили командира; мое же правило, дабы подчиненные делали свое дело и боялись бы начальника».

— «Чтение полезных книг в свободное время есть, без сомнения, одно из благороднейших и приятнейших упражнений каждого офицера. Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приуготовлять себя наилучшим образом на пользу службы монарху и Отечеству».

— «Строгость нужна более для штаб- и обер-офицеров, нежели для военных поселян, и оное требую, ибо мои правила не сходятся с правилами, в армии употребляемыми; я полагаю, что когда строгость, — разумеется, справедливая, без интриг... — употребляется на начальников, то все пойдет хорошо, и солдаты будут хороши».

— «Мои правила, что начальнику более всего нужно открытое поведение с подчиненными, без всяких интриг, тогда все пойдет хорошо; а я интриг, выскочек, красивых слов, разных переменчивых похвал терпеть не могу».

— «Наконец, люблю дела видеть всегда с настоящей точки зрения, а не так как прочие люди — что они любят; все хорошее в свете не может быть без дурного, а всегда более худого, чем хорошего».

— «Касательно же толков людских, то на оное смотреть не должно, да они ничего важного не сделают».

— «Мнения публики столь различны, что на оныя никогда положиться нельзя, и лучшее мнение в свете спокойная в человеке совесть, я имею ее и буду с нею везде спокоен».

— «Никогда я ничего не просил для себя, и милостью Божьей дано мне все! Утешаюсь мыслью, что я был полезен».

Мировоззрение, основанное на подобных принципах, создавало тип государственного деятеля, который оказывался в высшей степени эффективным в условиях России. Имея такое мировоззрение, а к нему в дополнение — необыкновенную работоспособность, высокую образованность и сильный природный ум, граф Аракчеев был способен добиваться успеха в осуществлении реформ при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Однако именно здесь таилась и драма Аракчеева как человека и государственного деятеля. Свойства характера, которые делали его самым эффективным администратором в России первой четверти XIX века, одновременно придавали ему в русском обществе репутацию «плохого», «злого», «жестокоего» человека.

Государственный деятель, отличавшийся нечеловеческой приверженностью к установленным правилам и порядку, каковой обладал Аракчеев, и не мог в России иметь репутацию «хорошего» человека.

Однажды Алексей Андреевич сказал А.П. Ермолову: *«Много ляжет на меня незаслуженных проклятий»*. Об этом высказывании Аракчеева сообщил в своих записках Д.В. Давыдов. Любопытно, что слова графа Денис Васильевич привел не в мемуарной части записок, а среди заметок о самых примечательных фактах из жизни разных знаменитых людей. Очевидно, что эти слова чем-то сильно его поразили...

Приведенная аракчеевская фраза примечательна не только тем, что оказалась пророческой. Самое удивительное в ней — другое, а именно: просто и кратко выраженная **убежденность Аракчеева в своей правоте, уверенность в том, что за свою государственную деятельность он не заслужил проклятий.**